

А.Г. Каломен

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

В статье рассматриваются пробелы уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, которые оказывают влияние на правовую оценку по ст. 317 УК РФ, анализируются различные точки зрения и судебная практика в данной области с целью разрешения затронутых проблем.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, ст. 317 УК РФ, покушение на преступление, действие, бездействие, оставление в опасности, прямой умысел, косвенный умысел.

A.G. Kalomen

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF INFRINGEMENT ON LIFE OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER

The article discusses the gaps of the criminal law providing responsibility for infringement on life of the law enforcement officer that affect the qualifications under article 317 of the criminal code, analyzes various points of view and judicial practice in this area with the aim of resolving issues under consideration.

Keywords: infringement on life, article 317 of the criminal code, attempted crime, action, inaction, leaving in danger, direct intent, indirect intent.

Эффективная внутренняя политика, реализуемая Российской Федерацией (далее – РФ), возможна при соблюдении одного из необходимых условий – поддержание низкого состояния преступности на ее территории. Это осуществимо за счет продуктивной и непрерывной деятельности сотрудников правоохранительных органов, выполняющих функции, связанные с охраной общественного порядка, обеспечением общественной безопасности, предупреждением и раскрытием различных преступлений, а также устранением причин и условий их совершения. Вследствие этого очевидна значимость правоохранительных органов. Их работа далеко не всегда осуществляется беспрепятственно. Самой серьезной проблемой является совершение посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих должностных обязанностей. Это не может не отражаться на их функциональности, соответственно, и на авторитете всей власти в целом, которая обязана обеспечивать безопасность своих граждан. В ст. 317 Уголовного кодекса РФ установлена уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Отсутствие внесения каких-либо законодательных поправок в данную уголовно-правовую норму с момента принятия УК РФ в 1996 г., с одной стороны, может свидетельствовать о ее совершенстве и эффективности, а с другой стороны, требует тщательного анализа и устранения определенных пробелов ввиду сохраняющейся

негативной тенденции убийств сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих должностных обязанностей, а также по причине возникающих дискуссионных вопросов и проблем, связанных с квалификацией преступных деяний, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ.

Термин «посягательство на жизнь», используемый в диспозиции ст. 317 УК РФ, не получил своего законодательного определения ни в уголовно-правовых нормативных актах, ни в каких-либо других актах. Это, по нашему мнению, является существенным пробелом не только рассматриваемой нормы права, но и УК РФ в целом, так как данное понятие употребляется и в иных статьях УК РФ, например, в ст. 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) или в ст. 295 (Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие) [1]. Изучение юридической литературы показывает, что под посягательством на жизнь подразумевают убийство или покушение на убийство, совершаемые путем активных действий [7; 8, с. 563]. При анализе судебной практики нами установлено, что термин «посягательство на жизнь» раскрывается идентично. Например, приговором Алтайского краевого суда преступные действия Т. были квалифицированы по ст. 317 УК РФ. Суд установил, что «Т. предпринял активные действия, направленные на посягательство на жизнь сотрудников правоохранительного органа Л. и П., а именно: во время составления на него административного материала напал на потерпевших, находящимся при себе ножом с целью убийства обоих сотрудников полиции нанес Л. не менее 9 ударов в область шеи, грудной клетки и конечностей, а П. – не менее 3 ударов в область задней поверхности грудной клетки слева и левой верхней конечности. Тем самым Т. применил к ним насилие, опасное для жизни и здоровья, в результате которого Л. была причинена смерть, а П. – вред здоровью, в том числе тяжкий» [3]. Отсюда очевидно, что Т. своими активными действиями совершил убийство Л. и покушение на убийство П.

Термин «посягательство» изначально подразумевает под собой активность сделать что-либо противоправное [9, с. 550–551; 10, с. 493]. Но как же следует квалифицировать умышленное преступное бездействие виновного лица, направленное на причинение смерти сотруднику правоохранительного органа в связи с исполнением им своих должностных обязанностей? Противоправное деяние, предусмотренное ст. 317 УК РФ, окончено с момента покушения на убийство того или иного представителя власти. На основании ч. 3 ст. 30 УК РФ «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам» [1]. Исходя из этого, следует допустить возможность совершения посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа не только активными противоправными действиями, но и бездействием.

Высказываясь по данному поводу, М. В. Семенков приводит свой пример преступного бездействия, который вполне возможен на практике. Его суть заключается в том, что у работника организации электроэнергетики, в чьи обязанности согласно должностной инструкции входит обесточивание электроподстанции в случае возникновения какой-либо чрезвычайной, аварийной, спасательной или иной внештатной ситуации, возник прямой умысел на причинение смерти сотруднику правоохранительного органа в связи с ранее осуществленным законным задержанием. Указанный работник данному сотруднику правоохранительного органа передал ложное сообщение о скрывающемся в конкретном энергоблоке на территории электроподстанции преступнике, находящемся в федеральном розыске. Сотрудник правоохранительного органа незамедлительно отреагировал на эту информацию и предпринял попытку организации поиска и задержания преступника, но погиб от удара током на территории электроподстанции. Ее работник специально бездействовал и не отключил напряжение [11, с. 75–76]. Таким вот образом он реализовал свой преступный умысел на убийство представителя власти по мотиву мести за осуществление деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Описанная или подобная ситуация еще не встречалась на практике, но ее нельзя исключать. Каждый случай преступного бездействия, повлекший гибель сотрудника правоохранительного органа при исполнении им своих должностных обязанностей, если, конечно, таковой произойдет, должен тщательно анализироваться органами предварительного следствия и судами с целью установления у виновного лица умысла на причинение смерти представителю власти.

Несмотря на отсутствие законодательного определения термина «посягательство на жизнь», мы считаем его использование в ст. 317 УК РФ оправданным, так как при включении в его смысл и убийства, и покушения на убийство, он позволяет даже при покушении на убийство сотрудника правоохранительного органа квалифицировать данное преступное деяние как окончательное преступление. Ввиду этого суд при вынесении приговора за совершение рассматриваемого преступления не применяет положения ч. 3 или ч. 4 ст. 66 УК РФ. Следовательно, виновному лицу возможно назначение максимального наказания, указанного в ст. 317 УК РФ.

Далее считаем необходимым рассмотреть вопрос о возможности квалификации по ст. 317 УК РФ в зависимости от формы умысла преступных действий, которые выражались бы в умышленной постановке в опасное для жизни положение сотрудника правоохранительного органа в связи с осуществлением им деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности. В ст. 125 УК РФ законодатель установил уголовную ответственность за оставление в опасности. По смыслу данной уголовно-правовой нормы виновное лицо изначально совершает определенные действия, которые по неосторожности создают опасную для жизни или здоровья потерпевшего обстановку, а после умышленно

бездействует, не оказывая помощь потерпевшему, чем может причинить тяжкие последствия вплоть до его гибели.

Но как же следует квалифицировать осуществление умышленных действий, создающих реальную опасную обстановку для жизни представителя власти, при этом непосредственно не направленных на причинение ему смерти? Позиция М. В. Семенкова в данном случае заключается в том, что «действия, создающие обстановку гибели потерпевшего, далеко не всегда образуют объективную попытку лишения его жизни» [11, с. 72]. Мы с целью ответа на поставленный вопрос приведем пример ситуации, которая вполне может возникнуть в реальной жизни. Оперуполномоченный уголовного розыска К. задерживает С. за совершение преступления. Впоследствии С. привлекается к уголовной ответственности. Гражданин Л., являющийся близким родственником С., решает отомстить К. за его действия в отношении С. Для достижения этой цели Л. узнает, где проживает К., скрытно изучает регулярный маршрут следования К. от места жительства до места работы. В результате указанных действий Л. устанавливает, что К. периодически проходит мимо строящегося высотного здания. Далее Л. устраивается работать на данный объект, где создает такие условия, при которых в момент прохождения К. возле этой постройки на последнем должны упасть строительные материалы. Но указанным маршрутом ходит не только К., а также и иные лица, не связанные каким-либо образом с К., и они тоже могут пострадать как вместе с К., так и отдельно от него. При очередном следовании на работу мимо указанного здания на голову К. сваливаются кирпичи. Он теряет сознание, падает и начинает истекать кровью. Л. увидев это, не осуществляет каких-либо действий, связанных с оказанием помощи К. Последнему причиняется тяжкий вред здоровью. К. не погиб только благодаря другому человеку, заметившему его и вызвавшему скорую помощь. Реализуя свой преступный умысел, Л. действовал из мести за деятельность, осуществляемую оперуполномоченным К. Создавая опасную обстановку, Л. относился безразлично к тем общественно опасным последствиям, которые наступили бы, т. е. ему было все равно, погибнет ли К. или получит вред здоровью. Также Л. допускал возможную гибель от удара строительным материалом других лиц, проходящих по тому же маршруту, что и К., или причинение им вреда здоровью.

Описанные обстоятельства ситуации свидетельствуют о наличии у Л. косвенного умысла на причинение смерти К. или иным лицам. Ввиду этого, с одной стороны, действиям Л. невозможно дать оценку по ст. 317 УК РФ, так как если брать во внимание, что под посягательством на жизнь в соответствии с судебной практикой и теорией уголовного права понимается убийство или покушение на убийство, которое на основании п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», совершается только с прямым умыслом [2], косвенный умысел у Л. будет невозможен при покушении на убийство К. С другой стороны, мы придерживаемся мнения о

квалификации действий Л. по ст. 317 УК РФ потому, что термин «посягательство на жизнь» законодательно нигде не раскрывается, соответственно, имеет свое универсальное употребление, позволяющее не распространять на него положения вышеуказанного судебного акта, который не является нормативно-правовым актом. Отсюда допускаем возможность косвенного умысла у виновного лица при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, а конкретно при покушении на его убийство, охватываемое объективными и субъективными признаками ст. 317 УК РФ. Применительно к нашему примеру гражданин Л. понимал, что совершает противоправное деяние в отношении сотрудника правоохранительного органа оперуполномоченного К., действовал из мести за его деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, осознавал опасность тех действий, которые сам осуществлял, предвидел возможность наступления смерти К., не желал этого, но относился к гибели К. безразлично.

Судебная практика также допускает наличие косвенного умысла у виновного лица при покушении на преступление за исключением, конечно, ст. 105 УК РФ (убийство). Наглядным примером послужит приговор Коркинского городского суда Челябинской области в отношении гражданина П., совершившего преступное деяние, квалифицируемое по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ. В ходе судебного разбирательства суд установил, что «покушение на уничтожение чужого имущества П. совершил с косвенным умыслом, поскольку он осознавал общественную опасность своих действий и предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде значительного ущерба, который должен был быть неминуемо причинен имуществу собственников многоквартирного жилого дома пожаром, который бы мог развиваться в результате осуществленного им поджога, а также осознавал, что поджог предметов в многоквартирном доме создает опасность перемещения огня на все квартиры и помещения жилого дома. Совершив поджог двери, ведущей в коридор, где расположены квартиры многоквартирного жилого дома, ушел из дома, безразлично относясь к содеянному. И в данном случае уничтожение имущества и материальный ущерб в значительном размере не наступил по не зависящим от воли подсудимого П. причинам, так как пожары были своевременно ликвидированы» [5].

Исходя из вышеуказанного, складывается парадоксальная ситуация выражающаяся в том, что покушение на убийство, ответственность за которое предусмотрена ст. 105 УК РФ, с косвенным умыслом невозможно, а покушение на иное преступление, в том числе предусмотренное ст. 317 УК РФ, может быть совершено с косвенным умыслом. Но суды и органы предварительного расследования, придерживаясь позиции невозможности совершения покушения на убийство с косвенным умыслом, по нашему мнению, не всегда правильно квалифицируют некоторые преступные деяния, что позволяет виновным лицам избегать наиболее строгого наказания. Например, гражданин Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в

своей квартире умышленно, используя малозначительный повод, произвел, из имеющегося у него и принадлежащего ему огнестрельного оружия – нарезного карабина ОП-СКС калибра 7,62x39 мм – выстрел в сторону своего знакомого Ф., стоявшего на лестничной площадке за тамбурной дверью [6]. Другой пример: гражданин К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел к своей знакомой М. После отказа М. пустить к себе в квартиру К., последний из находящегося при нем и принадлежащего ему огнестрельного оружия – нарезного карабина «Вепрь» калибра 7,62x39 мм – произвел восемь выстрелов в металлическую дверь тамбура квартиры, где проживала М. В результате стрельбы была повреждена данная дверь и входная дверь квартиры, принадлежащей М., шкаф, расположенный справа от входной двери [4].

И в первом, и во втором случае субъекты противоправного деяния были признаны виновными в хулиганстве с применением оружия, т. е. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Мы не согласны с данной квалификацией. Действия гражданина Д. и гражданина К. явно указывают на наличие у них косвенного умысла на совершение убийства. Производя выстрелы в сторону нахождения людей из нарезного огнестрельного оружия калибром 7,62x39 мм, виновные явно должны были осознавать, что своими действиями могли причинить смерть потерпевшим. Пуля патрона, используемого в нарезных огнестрельных карабинах указанного калибра, способна пробить несколько дверей, а после еще нанести такой вред здоровью человека, который будет несовместим с жизнью. Гражданин Д. и гражданин К., являющиеся владельцами данного оружия, однозначно не могли этого не понимать. Соответственно, по нашему мнению, их действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но суды и органы предварительного расследования, ссылаясь на п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в случае отсутствия прямого умысла у виновного лица не осуществляют квалификацию по ч. 3 ст. 30 и ст. 105 УК РФ. Применительно к ст. 317 УК РФ поступают аналогично, не допуская возможности совершения посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа с косвенным умыслом при покушении на его убийство. Такая ситуация недопустима и требует наискорейшего разрешения. Органам законодательной власти необходимо внести изменения в УК РФ: в примечании к ст. 317 или к ст. 295, или ст. 277 дать определение понятию «посягательство на жизнь», раскрывая его как противоправное действие или бездействие, направленное на причинение смерти потерпевшему, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Это будет способствовать единообразному подходу органов предварительного следствия и судов к квалификации противоправных деяний, подпадающих под признаки состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 317 УК РФ, и исключать разногласия по данному поводу.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (ред. от 17.04.2017) // Консультант Плюс.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Там же.
3. Приговор Алтайского краевого суда от 10 нояб. 2015 г. по делу № 2-45/2015. РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-499278663> (дата обращения 01.06.2017).
4. Приговор Дудинского районного суда Красноярского края по делу № 1-55/2010 от 16 июня 2010 г. РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-dudinskij-rajonnyj-sud-krasnojarskij-kraj-s/act-451630700/> (дата обращения 08.06.2017).
5. Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу № 1-14/2016 от 11 мая 2016 г. РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-korkinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaja-oblast-s/act-503070288/> (дата обращения 06.06.2017).
6. Приговор Нижегородского районного суда г. Н. Новгород по делу № 1-155/2012 от 4 мая 2012 г. РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-nizhegorodskij-rajonnyj-sud-g-nizhnij-novgorod-nizhegorodskaja-oblast-s/act-403567322/> (дата обращения 08.06.2017).
7. Бриллиантов А. В. Преступления против порядка управления // Российская академия правосудия: комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. Т. 2 (постатейный) / 2-е изд.; под ред. заслуж. юриста РФ, д.ю.н., проф. А. В. Бриллиантова. 2015 // Консультант Плюс.
8. Gladkih V. I., Kurcheev V. S. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. д.ю.н., профессора В. И. Gladkih. М.: Новосибирский государственный университет, 2015.
9. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой; 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.
11. Семенков М. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007.